

РИЖСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР В ОЦЕНКЕ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 90-х гг. XX в. – НАЧАЛА XXI в.

Т. М. Милач (Тохиян)

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», г. Брест, Беларусь tohian@mail.ru

В статье представлен анализ оценок Рижского мирного договора отечественной историографией 90-х гг. XX в. – начала XXI в. Автор выделил два направления. Каждое направление историографических исследований, согласно авторской позиции, представляло своё видение проблемы. В статье указывается на достоинства и недостатки работ данного периода в оценке Рижского мирного договора 1921 г.

Ключевые слова: отечественная историография; Рижский мирный договор; оценки.

THE RIGA PEACE TREATY IN THE ASSESSMENT OF THE BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE 90s OF THE XX CENTURY - THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY.

T. M. Milach (Tohiyan)

*Educational Institution «A. S. Pushkin Brest State University», Brest, Belarus
tohian@mail.ru*

The article presents an analysis of the assessments of the Riga Peace Treaty by the Russian historiography of the 90s of the twentieth century. - the beginning of the XXI century. The author has identified two directions. Each direction of historiographical research, according to the author's position, presented its own vision of the problem. The article points out the advantages and disadvantages of the works of this period in the evaluation of the Riga Peace Treaty of 1921.

Key words: Russian historiography; Riga Peace Treaty; assessments.

История подписания мирных договоров берёт своё начало со времени возникновения цивилизованного общества. На протяжении нескольких тысячелетий человечество вырабатывало критерии заключения договоров, но всегда сохранялась ситуация, когда оставались нерешённые проблемные вопросы, имела место поспешность действий, человеческий фактор.

18 марта 1921 г. полномочными представителями РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польской республики, с другой, был подписан Рижский мирный договор, надолго предопределивший судьбу западной части Беларуси. В период подписания он сделался предметом полемики на международной арене многих политических сил. До начала 90-х гг. XX в. в советской исторической литературе данная проблема не сильно актуализировалась, поскольку подписание договора осуществлялось не СССР, а РСФСР, что изначально создавало прецедент в ситуации.

Провозглашение независимости Беларуси в 1991 г. ознаменовало собой начало нового этапа не только в истории белорусской государственности, но и в отечественной историографии. Начался процесс пересмотра прежних воззрений на многие события прошлого, в том числе и Рижский мирный договор. К середине 90-х гг. XX в. были опубликованы две статьи [1; 2] и документальные материалы [3]. Авторы статей В. А. Круталевич и М. Ф. Шумейко высказали противоположные взгляды на подписание договора 1921 г. В. А. Круталевич в статье «Рыжскі мірны дагавор» [1] оценил договор как «драматическую страницу» в истории Беларуси [1, с. 12], ссылаясь на отрицательные последствия, которые, по его мнению, состояли в разделе Беларуси и в несовместимости договора с принципом национального самоопределения [1, с. 14]. М. Ф. Шумейко в статье «В Риге 70 лет тому назад» сделал попытку оправдать необходимость подписания Рижского договора, не приняв во внимание многих негативных аспектов проблемы [2, с. 14–15]. Оба автора не предлагали глубокий анализ сложившейся исторической ситуации, обусловившей подписание договора.

Полноценное изучение Рижского мирного договора началось с середины 90-х гг. XX в. Вплоть до начала XXI в. исследования велись по двум направлениям. *Первое направление* представляли историки, которые были сконцентрированы на причастности Рады БНР к событиям накануне и в период подписания Рижского договора [4; 5; 6; 7; 8]. Число этих работ не велико. Исследователи были нацелены оценить роль деятелей белорусского национального движения в международной политике. А. Кротов, используя материалы периодической печати начала 20-х гг. XX в., в ряде статей проследил нарастание недоверия среди представителей белорусского национального движения к польской политике на территории Беларуси [4, с. 47–48; 5, с. 16–17]. Впервые в историографии Беларуси на конкретных примерах он доказывал попытки «незалежнікаў» предотвратить подписание 18 марта 1921 г. Рижского мирного договора и раздел Беларуси [5, с. 47]. Для подтверждения отрицательного влияния раздела Беларуси, которое узаконил Рижский мирный договор, исследователь обратился к событиям, описывающим негативные проявления польской экспансии после подписания договора [5, с. 48–49].

В. Ф. Ладысев и П. И. Бригадин в статье «Рада БНР пасля Рыжскага дагавора 1921 г., ці канец нацыянальнага рамантызму» [6] привели документальные источники, в которых нашли отражение малоизвестные стороны деятельности Рады БНР: отношение к православной церкви, к

проблеме конфессионального деления белорусского общества. Учёные обращали внимание общественности на активную позицию Рады БНР, направленную против условий Рижского договора [6, с. 49]. Авторы с не критических позиций подошли к освещению международной деятельности Рады БНР, привели примеры достижений, носивших морально-психологический характер [6, с. 53].

Изучение внешнеполитической деятельности представителей Рады БНР представлено Т. Я. Павловой в диссертационном исследовании «Внешиполитическая деятельность Беларускай Народнай Республікі в 1918–1920 гг.» [7]. Исследовательница впервые комплексно рассмотрела деятельность Министерства иностранных дел, которое отстаивало интересы Беларуси на международной арене. Причину отсутствия делегации БНР на переговорах Т. Я. Павлова увидела в недостатке кадров для государственного, хозяйственного и культурного строительства и в невозможности создать основные атрибуты государства [7, с. 100]. Одновременно автор несправедливо обвинила руководство ССРБ в игнорировании раздела Беларуси [7, с. 99].

Второе направление в белорусской историографии представляли учёные, которые были заинтересованы в выяснении причин отсутствия делегации ССРБ на переговорах и при подписании Рижского мирного договора. Для доказательства своих позиций исследователи прибегали к анализу документальных данных: одни цитировали выдержки из письма Г. Чичерина и документов, косвенно указывающих на причины отсутствия белорусской делегации, другие давали итоговый вывод без глубокого анализа документов. В. А. Круталевич в работе «История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922 гг.)» привёл лишь выдержки из письма наркома иностранных дел Г. Чичерина Центральному комитету партии от 30 декабря 1920 г. [8, с. 320]. Особое внимание автор обратил на то, что участь территорий ССРБ решали без её представителей. Он привёл в пример присутствие А. Г. Червякова и его разочарование от понимания бесполезности своего участия в обсуждении основных вопросов [8, с. 320]. В. Е. Снопковский в статье «Знешнепалітычная дзейнасць Беларускай ССР (1919–1929 гг.)» на основании анализа телефонного разговора В. Кнорина с Н. Крестинским [9, с. 30] и письма Г. Чичерина от 30 декабря 1920 г. [9, с. 31] пришёл к выводу, что правительство РСФСР не желало видеть белорусскую делегацию на переговорах. Историк привёл объективные причины, по которым ССРБ передала свои полномочия правительству РСФСР, и указал, что «Рижский

мир завершил на определённое время трагическую полосу разделов Беларуси, которая была положена Брестским миром 1918 г.» [9, с. 32].

Выяснение причин отсутствия белорусской делегации на переговорах и при подписании Рижского мирного договора привело исследователей к сомнениям относительно правосубъектности ССРБ как государства. В. А. Круталевич, затрагивая вопросы правосубъектности ССРБ, указал, что с подписанием Рижского договора была признана белорусская государственность со стороны РСФСР [8, с. 318]. Он считал, что на переговорах в Риге дипломаты РСФСР «отстаивали статус ССРБ как самостоятельного субъекта международного права». Эту позицию В. А. Круталевича разделили А. В. Тихомиров [10, с. 10] и В. Ф. Ладысев [11, с. 27]. В свою очередь, Н. В. Сильченко и И. А. Басюк в работе «Беларуская дзяржаўнасць» [12] подвергли сомнению правосубъектность ССРБ, указав на то, что республика «фактически и юридически являлась автономной областью в составе РСФСР» [12, с. 238–239]. Именно по этой причине, как считали авторы, и отсутствовала подпись представительства ССРБ под международным актом [12, с. 239]. Э. Г. Иоффе так же рассматривал Рижский договор как «большой удар по формирующейся белорусской советской государственности» [16, с. 93]. Именно это обстоятельство послужило для автора основанием для заключения, что «государственность была больше формальной, чем фактической, поскольку БССР в 1921 г. находилась в полной экономической и политической зависимости от РСФСР» [16, с. 93].

Существенный вклад в разработку проблемы Рижского мирного договора был внесен в начале XXI в. организатором конференции «Рыжскі мірны дагавор 1921 г. і лёсы народаў Усходняй Еўропы» (2001) В. Ф. Ладысевым. Основываясь на материалах Российского государственного архива социально-политической истории, учёный, в статье «Рыжскі дагавор 1921 г. і курс кіраўніцтва Савецкай Расіі на сусветную пралетарскую рэвалюцыю» опроверг оценки советской историографии, в которых польская делегация обвиняется в нежелании заключить «предварительный и справедливый мир» [13, с. 16]. Подвергая анализу ситуацию накануне переговоров в Риге (1920) и шифрованную телеграмму В. И. Ленина Данишевскому от 17 августа 1920 г., В. Ф. Ладысев пришёл к выводу, что «на этапе минских переговоров советское политическое руководство не расставалось с надеждой на успешную реализацию политики мировой революции» [13, с. 17]. Подписание договора в Риге, как указал учёный, констатировало «банкротство курса советского

правительства на мировую революцию» [13, с. 14]. Владимир Фёдорович пришёл к выводу, что заложенные в договоре противоречия делали договор «ненадёжным, что отчётливо проявилось осенью 1939 г. «, хотя, по его мнению, «с формальной точки зрения Рижский договор создавал благоприятные условия для безопасности стран Восточной Европы» [13, с. 27].

Не менее важным в исторической литературе является выяснение вопроса о границах и демографической ситуации [22]. Формирование этнической и государственно-административной границы получило освещение в работе Г. С. Марцуля и Н. С. Сташкевича [21]. Авторы уделили внимание территориальным изменениям после подписания Рижского договора, по которому «БССР аднаўлялася на невялікай тэрыторыі, якая складала ўсяго 52,3 тысячы квадратных км. з насельніцтвам крыху больш за 1,5 мільёна чалавек» [15, с. 90], а также выступили с критикой договора, с подписанием которого присутствовала некоторая вероятность «здзяйснення фактычнай веры у перамогу сусветнай рэвалюцыі», ради которой «ахвяраваліся маленькія нацыянальныя інтарэсы беларускага народа» [21, с. 90].

В статье В. Э. Гарбуза был дан анализ демографической ситуации на белорусско-польском и белорусско-литовском пограничье в момент заключения и денонсации Рижского мирного договора 1921 г. [17]. Исследователем проанализирована демографическая ситуация до подписания Рижского договора и после, когда по данным Варшавского статистического комитета на белорусско-польском пограничье проживало белорусов 65–83 %, а белорусско-литовском – 75–85 % [17, с. 49–50]. При этом автор обосновывал причины, по которым белорусская делегация не была допущена к подписанию договора. Среди них указывается на опасения российской дипломатии, «што ў выпадку з’яўлення на перамовах непасрэдна беларускай дэлегацыі, яна разбурыць усе іх дыпламатычныя камбінацыі» [17, с. 52]. В. Э. Гарбуз указал также на изменения демографической ситуации после подписания Рижского мира: «Згодна з вынікамі перапісу 30 верасня 1921 г. атрымалася такая надзвычай цікавая рэч, што значная колькасць палякаў была выяўлена не толькі ў паведах з вялікай доляй каталіцкага насельніцтва, але і таксама ў такіх, дзе католікаў было не так многа» [17, с. 52].

Авторы сборника «Государственность Беларуси: Проблемы формирования в программах политических партий» [14] особое место отвели двум событиям, описание которых в исторической литературе

практически не было отражено – это обращение участников собрания в Ковно 30 декабря 1920 г. и «Заявление 32-х». Оба эти документа, по мнению исследователей, являлись значительными, поскольку предлагали пути выхода из сложившейся на территории Беларуси ситуации накануне и с учетом подписания Рижского мирного договора [14, с. 79–82].

К концу 90-х гг. XX в. большинством учёных Рижский мирный договор рассматривался как акт исторической несправедливости, имевший место в период национально-государственного строительства в 1917–1922 гг. [18]. Так, Н. В. Сильченко и И. А. Басюк, обращаясь к Рижскому договору, увидели закономерность отсутствия подписи представительства БССР в том, что она «фактически и юридически являлась автономной областью в составе РСФСР» [19, с. 238–239]. Другой историк, А. Тихомиров, в статье «Ад Рыгі да Генуі» указал на то, что в договоре сохранилось положение о признании суверенитета Беларуси. Таким образом, заключил автор, «договор стал актом юридического признания БССР со стороны иностранных государств» [10, с. 10]. В свою очередь, В. Ф. Ладысев высказал мысль о том, что именно актом от 12 октября 1920 г. подтверждалась независимость Украины и Беларуси, устанавливалась линия государственной границы между Польшей и советскими республиками [20, с. 27].

Изменилось обоснование договора и в энциклопедической литературе. В статье С. Бородич и В. Н. Михнюка «Рыжскі мірны дагавор 1921» [15], помещённой в «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі», авторы систематизировали накопленный к началу XXI в. материал. В контексте польско-советской войны они рассмотрели события, связанные с заключением Рижского договора и прокомментировали основные его статьи. В статье приведены критические позиции социалистов-революционеров и руководства БНР в отношении подписания договора и раздела Беларуси [15, с. 150–153].

В целом в 90-е гг. XX в. в белорусской историографии не сложилось единого подхода в оценках Рижского мира. Для научной среды это совершенно нормальная ситуация. К сожалению, в этот период оценки авторов носили поверхностный анализ. В исторический оборот был введен ряд ранее недоступных документов, что, несомненно, было позитивным моментом. В конце 90-х гг. XX в. исследователи только начали подходить к комплексному анализу ситуации: затрагивалась идея экспорта мировой революции, которая жила в сознании верхушки советского правительства.

Остался без анализа мировой геополитический контекст и вовлечённость в него Беларуси.

Библиографический список

1. Круталевич В. Рыжскі мірны дагавор // Спадчына. 1990. № 1. С. 12–14.
2. Шумейко М. В Риге 70 лет тому назад // Коммунист Белоруссии. 1991. № 9. С. 14–20.
3. Рыжская дамова 1921 г. // Спадчына. 1993. № 4. С. 12–22.
4. Кротаў А. Беларускі стэрэатып польскага народу // Беларуская мінуўшчына. 1996. № 4. С. 16–20.
5. Кротаў А. Гульня ў незалежнасць (З матэрыялаў перыядычнага друку 20-х гадоў) // Беларуская мінуўшчына. 1995. № 4. С. 46–49.
6. Ладысеў У., Брыгадзін П. Рада БНР пасля Рыжскага дагавора 1921 г., ці канец нацыянальнага рамантызму // Беларускі гістарычны часопіс. 1997. № 1. С. 48–53.
7. Павлова Т. Я. Внешнеполитическая деятельность Белорусской Народной Республики в 1918–1920 гг.: дис. ... канд. истор. наук: 07. 00. 15. Минск, 2001. 109 л.
8. Круталевич В. А. История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922). Минск, 1999. 388 с.
9. Снапкоўскі У. Е. Знешнепалітычная дзейнасць Беларускай ССР (1919–1929 гг.) // Беларускі гістарычны часопіс. 2001. № 3. С. 28–41.
- 10 Ціхаміраў А. Ад Рыгі да Генуі // Беларуская мінуўшчына. 1997. № 6. С. 9–12.
- 11 Ладысеў У. Ф. Рыжскі мірны дагавор: перамога савецкай дыпламатыі ці паражэнне? // Беларускі гістарычны часопіс. 2001. № 3. С. 23–27.
- 12 Сільчанка М. У., Басюк І. А. Беларуская дзяржаўнасць. Гродна, 1997. 370 с.
- 13 Ладысеў У. Ф. Рыжскі дагавор 1921 года і курс кіраўніцтва Савецкай Расіі на сусветную пралетарскую рэвалюцыю // Рыжскі мірны дагавор 1921 г. і лёсы народаў Усходняй Еўропы: матэрыялы міжнар. навук.-тэарэтыч. канф., Мінск 16–17 сакав. 2001 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: У. Ф. Ладысеў [і інш.]. Мінск, 2001. С. 14–22.
- 14 Государственность Беларуси: Проблемы формирования в программах политических партий / В. К. Коршук, Р. П. Платонов, И. Ф. Романовский, Е. Г. Богданович. Минск: БГУ, 1999. 188 с.
- 15 Міхнюк У., Бародзін С. Рыжскі дагавор // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Мінск: БелЭн, 2001. Т. 6. С. 150–153.
- 16 Иоффе Э. Г. К вопросу о формировании белорусской государственности в 1918–1921 гг. // Беларуская дзяржаўнасць: вопыт XX стагоддзя: матэрыялы Міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск 18–19 крас. 2003 г. / Бел. дзярж. пед. ун-т; рэдкал.: П. І. Брыгадзін [і інш.]. Мінск, 2004. С. 91–94.
- 17 Гарбуз В. Э. Дэмаграфічная сітуацыя на беларуска-польскім і беларуска-літоўскім памежжах у момант заключэння і дэсанцыіі Рыжскага мірнага дагавора 1921 г. // Матэрыялы навукова-тэарэтычнай канферэнцыі, 17–18 верасня 1999 г. Мінск. С. 49 – 55.
- 18 Беларуская дзяржаўнасць у XX стагоддзі: Вучэбна-метадычныя рэкамендацыі па беларусазнаўству для студэнтаў ММІ – Магілёў: ММІ, 1997. С. 30; Круталевич В. А., Юхо І. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917–1945). 1-е выд. Мінск.: Беларуская навука, 1998. С. 104–105

- 19 Сільчанка М. У., Басюк І. А. Беларуская дзяржаўнасць. Гродно, 1997. 370 с.
- 20 Ладыеў У. Ф. Рыжскі мірны дагавор: перамога савецкай дыпламатыі ці паражэнне? // Беларускі гістарычны часопіс. 2001. № 3. С. 23–27.
- 21 Марцуль Г. С., Сташкевіч М. С. Гісторыя Беларусі: Насельніцтва. Фарміраванне і вызначэнне этнічных і дзяржаўна-адміністрацыйных межаў. Беларускае замежжа. Вучэбны дапаможнік. Мінск.: РІВШ пры БДУ, 1997. 132 с
- 22 Марцуль Г. С., Сташкевіч М. С. Гісторыя Беларусі: Насельніцтва. Фарміраванне і вызначэнне этнічных і дзяржаўна-адміністрацыйных межаў. Беларускае замежжа. Вучэбны дапаможнік. Мінск: РІВШ пры БДУ, 1997. 132 с; Гарбуз В. Э. Дэмаграфічная сітуацыя на беларуска-польскім і беларуска-літоўскім памежжах у момант заключэння і дэсанцыі Рыжскага мірнага дагавора 1921 г. // Матэрыялы навукова-тэарэтычнай канферэнцыі 17–18 верасня 1999 г. Мінск. С. 49–55; Ладыеў У. Ф. Заходняя Беларусь у 1921–1939 гг. // Беларусь на мяжы тысячагодзяў. Мінск: БелЭн, 2000. С. 166–179.